

Л.В.Анисенкова (Сыктывкар)

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ФОНЕТИЧЕСКОГО СИМВОЛИЗМА СОГЛАСНЫХ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ

В рамках фонетического символизма — одного из наиболее динамично развивающихся и проблемных направлений современной лингвистики — звуковая сторона речи исследуется, прежде всего, в контексте глобальной проблемы эволюции естественного языка как наиболее совершенной семиотической системы, и соотносимых с нею, но более частных, проблем мотивированности языкового знака, языковой номинации и ряда других.

Фоносемантика рождается на стыке фонетики (по плану выражения), семантики (по плану содержания) и лексикологии (по совокупности этих планов). Основной вопрос фоносемантики — связь между звуком и значением. По большому счету, этот вопрос решается либо с позиции отсутствия подобной связи, либо с позиции наличия древней, глубинной мотивации языкового знака.

Современные исследования в области глоттогенеза определяют, что предтечами речи были инстинктивные возгласы древних предлюдей, т.е. формированию средств вербальной коммуникации предшествовала аффективно-эмоциональная модуляция звуков. Комплексы первоначальных звуков (условно называемые слова-монолиты) были обозначением всей отражаемой ситуации в целом и сигнализировали о необходимости совершения определенных действий в подобной ситуации. Уже в этот момент происхо-

дила фиксация дихотомии звук — действие, и символизация звуков: за определенным звуком в психике закреплялся устойчивый ассоциативный смысл, в “снятом” виде присутствующий в современных фонетических системах конкретных языков. Впоследствии слова-монолиты с предельно абстрактным значением в целях точного отражения и передачи фактов начинают распадаться на более конкретные составляющие.

Из этого следует, что язык возникает не путем создания, а путем использования определенных звуков, которыми человек реагировал на различные импульсы в семиологических целях. Данная функция таким образом обретает свою форму. Следствием гипотезы о моногенезе языка является сохранение древнейшего инвариантного символического смысла некоторых первозвуков.

Большинство современных исследователей эволюции языка склоняются к мысли о консонантной основе базовых корней (Николаева, 1996, с.80). Древние слова-корни, состоящие только из согласных, отмечает В.Пизани, являются результатом распада кликсов (щелкающих звуков), которые встречаются иногда и в существующих сейчас языках. Гласные звуки были введены для того, чтобы язык, состоящий из одних только согласных и воспринимаемый в непосредственной близости, можно было бы услышать и на большем расстоянии. Отражением безгласного состояния языка являются безгласные системы письма, как, например, семитская (Воронин, 1990, с.66-67). Видимо, нулевая ступень аблаута является исходным состоянием праязыка, а так называемая полная ступень — ее дальнейшим развитием. С появлением гласных и за счет распада полисемии слов-монолитов происходит дальнейшее конструктивное порождение языковых знаков, причем древние согласные фонемы сохраняют свой инвариантный смысл.

Словесные знаки есть психофизиологические сущности, представления и понятия, одетые в языковую форму (Уфимцева, 1986, с.37), которые содержат в своей структуре и эмотивную символику звука, с трудом выявляемую при определяющем факторе произвольности языкового знака. В процессе номинации срабатывает механизм произвольного, на первый взгляд, выбора признака, полагаемого в основу номинации, но подсознание с его эмотивным субстратом все же вынуждает субъекта актуализировать именно те символически окрашенные звуки, которые “подходят” для данного восприятия и означивания.

В конкретном акте номинации выбирается некий признак объекта-денотата, полагаемый в ее основу. В этом главном, определяющем, принципиальном моменте, номинация произвольна, мотивированна. Выбор же именно данного конкретного признака во многом случаен — и в более частном моменте номинация произвольна, немотивированна (Воронин, 1982, с.30). Произвольность, по мнению Э.Бенвениста, заключается в том,

что какой-то один знак, а не какой-то другой прилагается к данному, а не другому элементу реального мира. И только в этом смысле допустимо говорить о случайности (Бенвенист, 1974, с.93).

Полемика о соотношении произвольного и непроизвольного в языковом знаке происходит еще и от того, что многие слова постепенно совершенно теряют свой первоначальный смысл и становятся знаками общих понятий или средством выражения апперцептивных функций отношения и сравнения и их продуктов.

А.С.Кривошекова-Гантман оспаривает ценнейшее, на наш взгляд, предположение Д.В.Бубриха о седой древности изобразительных слов, соответствующих конкретно-образному и эмоциональному мышлению древних людей (Кривошекова-Гантман, 1964, с.116). Автором данной работы сделаны весьма ценные наблюдения о природе звукового символизма согласных коми языка, но вывод о включении звукосимволических слов в особый лексико-грамматический разряд для нас неприемлем. Мнение о неполноценности такого рода слов господствует в пермистике и в настоящее время.

Степень обобщения представления, обозначаемого такими коми глаголами, как *гымавны* 'греметь', *ымзыны* 'стонать', *ружтыны* 'кряхтеть', лежит на поверхности, так как сформирована органами слуха и детерминирована реальными звуками, но реализуется в языке через инвариантные смыслы фонем. Действительно, "из всех сенсорных воздействий для человека самым чувствительным, богатым и тонким является звук и его прием слухом, а самым устойчивым и объективным — свет и соответственно зрение" (Жинкин, 1982, с.120), именно через зрительное и тактильное эмотивное восприятие фиксируется, оценивается объем, качество, величина, конфигурация явлений внешнего мира. Но, невзирая на источник информации о воспринимаемом явлении внешнего мира (через слух, зрение, обоняние, осязание или вкус), отрицательная или положительная его символизация всегда будет связана с определенным инвариантным смыслом звука (ср. всегда "страшные" звуки -р и -д практически во всех языках, о звуке -л в коми языке — речь чуть ниже), который "проявится" в процессе первичного означивания.

Все вышеизложенное позволяет выдвинуть гипотезу о том, что почти весь лексический состав любого языка имеет звукосимволическую основу ввиду изолированного развития народа-носителя языка, в некоторых моментах национально окрашенную.

Попробуем проиллюстрировать это положение материалами пермских языков. Для постановки проблемы звукового символизма в этих языках берутся согласные звуки, так как, по утверждению Б.А.Серебренникова, древний консонантизм уральского праязыка в пермских языках сохранился лучше, чем в прибалтийско-финских языках, в то время как вокализм ока-

заялся сохраннее именно в последних, а в пермских языках гласные сильно изменились, приобретя новые ассоциативные смыслы (Серебренников, 1974, с.280).

Как уже отмечалось, в древнейших корнях именно согласные звуки “держат” корень, а гласные дифференцируют предельно абстрактную общую семантику. Подобная передвижка гласной фонемы называется фонетической дифференциацией при словообразовании: *гөн* ‘шерсть’ и *гын* ‘войлок’, *тöдны* ‘знать’ и *тыдавны* ‘виднеться’, *гöрд* ‘красный’ и *гырд* ‘запекшаяся кровь, кровавый’, *дадь* ‘санки’ и *додь* ‘сани’ и т.д. (Современный коми язык. Лексикология, 1985, с.55). Этот ряд можно продолжить следующими примерами: *кок* ‘ноги’, *кöк* ‘кукушка’, *кук* ‘теленок’, *кык* ‘два’, где символика двойной древней взрывной согласной связывается с концептом “два”.

Между лексемами *гöг* ‘пупок’, *зүг* ‘изнанка’, *гаг* ‘насекомое, жук червь’, возникшими в общепермскую языковую общность, также улавливается общий концепт связи, перехода из одного состояния в другое, двух взаимосвязанных, но не тождественных сторон одной сущности, круговорота материи.

В таких лексемах, как *катша* ‘сорока’, *кыти* ‘окружность’, *кути* ‘орел’, *сикöти* ‘бусы’, *кöтишас* ‘задняя часть избы под полатями’, *вомкöти* ‘боковая полость рта’, древние согласные -к, -тш несут диффузную семантику окружности, сферичности / полусферичности.

Наиболее ярким и выпуклым для иллюстрации фонетического символизма является палатальный звук -л', который несет четкую фоносемантическую информацию, сигнифицируя о чем-то скользком, липком, склизком, неприятном, т.е. в целом негативном, безотносительно к каналу восприятия референта: к. *ляб* ‘невыносливый’ — удм. ‘тж’; к. *ляб* ‘сплетница’; к. *льöб* ‘губы’ (с пейоративным значением); к. *льöбзыны* ‘трястись от страха’; к. *лëк* ‘плохой, злой’ — удм. ‘тж’; к. *лякны* ‘марать’ — удм. ‘тж’; к. *люкавны* ‘бодать’ — удм. ‘тж’; к. *люс* ‘слабый, ненатянутый’; к. *льöм* ‘черемуха’ — удм. ‘тж’; к. *лем* ‘клей’ — удм. ‘тж’; *лимзыны* ‘плакать, голосить’; к. *уль* ‘сырой, влажный, недопеченный’ — удм. ‘тж’; к. *улим* ‘слизь’; к. *нильöг* ‘скользкий’; к. *нëльзыны* ‘преть, подпревать’ — удм. ‘тж’; к. *сульны* ‘высморгаться’; к. *сулик ва* ‘насквозь мокрый’, *саль* ‘пасмурная летняя погода’ — удм. *сульпаськон* ‘непогода’; к. *кульны* ‘сдирать’ — удм. ‘тж’; к. *кильмыны* ‘быть в течке (о животных)’; к. *кольк* ‘яйцо’; к. *кольны* ‘бросить, оставить’. По предварительным подсчетам, в Коми-русском словаре 1961 г. можно найти около 220 производных слов-корней с -л', из которых примерно 80% с указанным значением.

Аффриката -дз в коми языке наделяется весьма своеобразным смыслом. В составе корневой морфемы она сигнифицирует о: 1) дискретных ярких световых ощущениях: к. *дзар* ‘ослепительно яркий свет’, к. *дзимбыр* ‘дресва’, к. *дзирд* ‘блеск, сияние’ — удм. *зырдыт* ‘пламенный’, к. *дзор*

‘седина’ — удм. *жӧрыт* ‘бледный’, к. *дзу* ‘островок с обилием ягод’, к. *дзув* ‘просвечивать насквозь’, к. *дзузгыны* ‘тускло светить’, к. *дзурк* ‘лучок для добывания огня’; 2) дискретных актах движения: к. *дзав* ‘планка между нитями основы (в ткачестве)’, к. *дзӧрны* ‘шевелиться, трястись’, к. *дзир* ‘петля, шарнир’, к. *дзодзув* ‘ящерица’, к. *дзоль* ‘детская игрушка’, к. *дзуг* ‘силок’. В лексеме *кыдз* ‘береза’ аффриката -дз совмещает двойную символика многоактности (сверкания, шелеста).

Разработка проблем фонетического символизма приближает ученых к осмыслению процесса языкового моделирования мира, являющегося частью глобального процесса отражения. В этой связи систематизированные данные и обработанный материал финно-угорских языков могут послужить яркой иллюстрацией для подтверждения идей о глубинной взаимосвязи языка и мышления, о “распаковывании” смыслов (В.В.Налимов) всего сущего.

Сокращения

К. — коми (-зырянский) язык; удм. — удмуртский язык.

Литература

- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. - М., 1974.
- Воронин С.В.* Основы фоносемантики. - Л., 1982.
- Воронин С.В.* Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании: Очерки и извлечения. - Л., 1990.
- Гуляев Е.С.* Кытысь лоины пу нимъяс // Коми кыв да литература школаын. - Сыктывкар, 1967. - С. 130-136.
- Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. - М., 1982.
- Кривошекова-Гантман А.С.* Место образительных слов в системе частей речи коми-пермяцкого языка. - М.-Л., 1964.
- Николаева Т.М.* Теории происхождения языка и его эволюции — новое направление в современном языкознании // Вопросы языкознания. - 1996. - № 2. - С. 79-89.
- Серебрянников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. - М., 1974.
- Современный коми язык.* Лексикология. - М., 1985.
- Уфимцева А. А.* Лексическое значение. - М., 1986.